

СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ОБРЯД КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ФОРМА ВОПЛОЩЕНИЯ АРХЕТИПА «НОВОЙ ЖИЗНИ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАРОДА

Символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в традиционных формах выражаются ключевые символы-ценности народа. Обряды семейного цикла рассматривались как форма овладения культурными стереотипами, один из механизмов выражения древнейшего архетипа «новой жизни» в спектре реализации в русской традиционной культуре концепта «возрождение».

Ключевые слова: русская традиционная культура, семейно-бытовой обряд, концепт «возрождение».

В культуре, согласно Питириму Сорокину, следует различать внутреннее – смысл, значение, ценность – и внешнее – материальное воплощение смыслов в вещах и процессах. При этом «культурная «природа» вещей проявляется не через их физические, химические, биологические свойства, а через знаково-символические характеристики» [11, с. 308].

Русская традиционная культура в своей сущности предстает в качестве уникальной символической системы, раскрытие значений которой приводит к постижению ее содержания. При этом символическими оказываются все формы культуры – мифология, религия, искусство, бытовая практика и т. д.

Символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в традиционных формах выражаются ключевые символы-ценности и символы-идеи народа. Потому традиционная культурная символика фиксируется в виде совокупности специфических мифологических, религиозных, социальных, этнических, художественных и государственных символов, используемых для выражения идеалов, норм и ценностей культуры, изначально выражаемых в первичных архетипах.

Архетипы также имеют символическую природу, что естественным образом обнаруживается в области смысловых, ценностных ориентаций. Это позволяет истолковывать и типизировать архетипы через «постижение» области символического.

В русской традиционной культуре присутствуют как наиболее фундаментальные универсальные архетипы (укрощенного огня, ха-

оса, творения, брачного союза мужского и женского начал, смены поколений, матери, дома, пути), так и этнокультурные архетипы (ориентация на единение – народ-церковь; образ покровителя – богородичный лик и т. д.). Архетип «новой жизни», непосредственно связанный с концептом «возрождение», относится к первой категории. Полновесно реализуя концепт «возрождение», он емко проявляется в символической природе традиционной обрядовой культуры русского народа.

Художественно разнообразными и семиотически емкими в выражении древнейшего архетипа «новой жизни» в спектре реализации концепта «возрождение» явились семейно-бытовые обряды.

Семейно-бытовой обряд как практическое выражение традиционного, фактор нормализации общественной жизни (Е.Ю. Стрельцова), был тесным образом взаимосвязан с обрядами годового цикла (календарем), отражал своеобразие трудовой деятельности народа, особенности природно-климатического и регионального окружения [12]. Вместе с тем семейно-бытовой обряд приурочивался к наиболее значимым событиям в личной жизни каждого члена общины, а не повторяющимся сезонам земледельческого года. Иное содержание, при все тех же прогнозируемых благополучии, плодородии (продолжении рода), создавали систему необходимых действий, объективно заданных логикой жизни русского человека и народа.

Семейно-бытовая обрядность на протяжении веков являлась центральной культурной универсалией русской традиционной культуры, создавала необходимый организую-

щий стержень жизни русского человека, мировоззренческое основание его бытийной и бытовой субординации, условием вхождения в культурную традицию.

Обряды семейного цикла рассматривались как форма овладения культурными стереотипами, один из механизмов формирования этнического сознания и форма выражения культурной самоидентификации в выражении центральных архетипичных установок.

Оставаясь уникальным культурным наследием русского народа, семейно-бытовая обрядность аккумулировала в себе древнейшие воззрения, многопрофильные знания человека о мире, взаимоотношения с природой, а также свод норм и правил этикета, бытового и ритуального поведения. Социально-интеграционная сущность семейно-бытового обряда реализовывалась в разных сферах деятельности русского человека: трудовой, бытовой, художественной.

Семейно-бытовые обряды инициировали само действие, определяющее событие, определяли логику жизни: свадебный обряд формировал семью; родинный обряд включал человека в общинное сообщество; похоронный обряд способствовал жизненной организации после смерти близкого человека.

Однако осознание развития логики жизни, справедливо отмечает М.В. Семенова, пришло уже в самый ранний архаический период. По мысли древних людей, человек двигался по своему жизненному пути вовсе не так, как движешься, например, по горной дороге, постепенно приближаясь к вершине. Для них все выглядело совершенно иначе: человек «исчезал» на одном уровне и вновь «появлялся» уже на другом, уже в новом качестве; он «умирал» и «снова рождался» [10, с. 82].

Так находил овеществление в русской традиционной культуре архетип «новой жизни» в реализации концепта «возрождение». Не случайно подобная символическая смерть будет зафиксирована не в одном обрядовом действии.

Именно таким путем шло закрепление центральных архетипов в системе культуры посредством семейно-бытовых обрядов. При этом выражаемые архетипы зачастую составляли бинарные оппозиции: «рождение» – «смерть», «свой» – «чужой», «начало» – «итог».

А сопутствующая им знаковая система характеризовалась уподоблением. Ведь *хлеб, зерно* и *засеянное поле*, женская *беременность* – в системе традиционного мышления русского человека были понятиями тождественными и прямо связанными с образом «домашней Вселенной», а через нее – с Космосом, с гармонией мира.

Центральная парадигма обрядов семейно-бытового круга предполагала организацию основного жизненного цикла: рождение, взросление (начало взрослой жизни), увядание (старение). Переход из одной стадии жизни в другую отличался специальными ритуальными семиотически повторяющимися, но содержательно рознящимися действиями, названными этнографами «переходными обрядами».

Появление ребенка на свет сопровождалось родинным обрядом; переход в биосоциовозрастную группу взрослых людей – инициациями, то есть обрядами, подтверждающими готовность человека к взрослой жизни; организация родового гнезда – свадьбой; смерть – погребальными ритуальными действиями. При этом семейно-бытовые обряды богато орнаментировались, формируя и утверждая художественную традицию русского народа [6], [8].

Уже славяне, считают исследователи, объясняли факт появления детей на свет не естественным замужним положением женщины, а субстантивным воздействием на тело духов предков, когда священный дух предка входил в тело женщины, чтобы вновь воплотиться (миф о душе предка). В знак же того, что человек и в самом деле «заново» родился, он должен был сменить буквально все – от одежды до имени [10, с. 82].

Интересно, что смерть как один из центральных архетипичных составных сегментов христианской культуры будет знаменовать собой переход в новое качество, когда разрушалась физическая оболочка, но бессмертная душа оставалась неприкосновенной.

Подобным явлением трансформации первоначального человеческого материала выступит и обряд «инициации» – «обновления», «приведения в начальное состояние». Это своеобразный экзамен на зрелость, физическую и духовную способности к свободному проявлению воли. И самое главное – те и другие подвергались ритуалу «временной смерти» и «воскрешения»... Прежние дети «умирали», а вместо них рождались взрослые.

Так на протяжении всей физической жизни человек «умирает и возрождается» несколько раз. Особый интерес в этой связи вызывает свадебный обряд, который по авторитетному замечанию А.Ф. Камаева и Т.Ю. Камаевой, «является единственным ритуалом семейно-бытового цикла, последовательно представляющим все три фазы «перехода» [3, с. 112]. Так, в родинном обряде отсутствует момент ритуальной смерти, в похоронном – момент ритуально оформленного возрождения... Для всех обрядов перехода оппозиция «смерть – возрождение» наряду с оппозицией «свой – чужой» является основой.

Оформление абсолютно всех вех жизненного уклада включала и «периферия» обрядового действия: строительство жилища, оформление родственных отношений (кумение), инициацию (взросление) и т. д. При этом смена жизненных этапов рассматривалась как некая граница (переход) к несопоставимо другой социально-статусной роли, накладывающей глубинные социально-родовые обязательства на всех членов общинного сообщества.

«Переход» вообще можно рассмотреть как центральную характеристику семейно-бытового обряда. В свадебном обряде прослеживалось соединение двух семей, а нередко и родов, которые были объединены сформировавшейся семьей. Роды превращали молодых в отца и мать. Примером взаимодействия, расширения социальной жизни выступал обряд крещения (тайнство крещения), когда помимо уже устоявшихся родственных связей происходит духовное соединение родителей и крестника с семьей названных духовных родителей – восприемников. Смерть одного из супругов превращала во вдову или вдовца. Последовательность этих обрядов составляла ритуальную биографию человека; участие в них объединяло людей и спланивало всех членов социальной общности [7].

Необходимое рассмотрение семейно-бытовой обрядности как знаковой системы в контексте реализации концепта «возрождение» диктует специфику их понимания в качестве переходных, переломных моментов в общественной и личной жизни русского человека, результатом которых становится изменение статуса всех членов социальной общности (молодых людей и их родственников).

Представители каждой возрастной группы имели свое обозначение: «дети», «девушки»,

«парни», «молодки», «старики» и т. д. Вступление в новую фазу жизни сопровождалось изменением имени – «...от полуимени в детском возрасте, до полного или даже с отчеством – в зрелый период, и только по отчеству – в преклонном возрасте» [13, с. 221]. Каждый жизненный этап в циклической системе жизни санкционировался семейно-общинным типом поведения, формирующим семейно-бытовые отношения. Эта же культурная модель будет и в принципе действенной, реализуясь не только в семейно-бытовой практике, но и жизни социальной. Имя и до сих пор изменяют принимая монашество...

Символика перехода в реализации концепта «возрождение» и архетипа «новой жизни» будет функционировать посредством трансляции бинарного архетипа «свой – чужой». При этом воплощение бинарной оппозиции станет очевидной не только в центральных обрядах семейно-бытового цикла, но и в периферийных аналогах.

Так, при строительстве дома и последующем обряде новоселья важным будет рассмотрение изначального сырья-материала. Дерево, взятое в лесу и используемое для строительства человеческого жилья, непременно должно было претерпеть «смену качества»: из «чужого» сделаться «своим». С садовым деревом такого превращения заведомо произойти не могло [15].

В человеческом же мире за переходом из одной возрастной группы в другую, справедливо отмечают этнографы, следовало изменение внешнего облика, манеры поведения, одежды, социально-общественного статуса, что рассматривалось как нечто незыблемое, обязательное. Так, замужняя женщина покрывала голову головным убором, пряча волосы, включалась в бытовую организацию жизни семьи мужа, исполняя в ней определенную роль, ограничивала участие в девичьих забавах, обретала статус хранительницы домашнего очага.

Сам обряд характеризовался особым видом обрядовой одежды, в отличие от повседневного костюмного комплекса богато и семиотически емко украшенной. «Одетость» обряда также рождала полноту и многогранность понимания его сакральных действий. Одежда, по мнению А.К. Байбурина, была важнейшим признаком «включенности представителя общины в те или иные социальные отношения» [1, с. 28].

Все обряды семейно-бытового назначения отличались сложной трехчастной структурой,

включавшей весь спектр действий непосредственно предшествующих обряду и подготавливающих его проведение, сами обрядовые и послеобрядовые действия. Так, родинный обряд предполагал совершение действий по подготовке к родам, сами роды и крестильную обрядность, характеризующуюся включением младенца в мир социальной общности и религии; свадебный обряд делился на действия, подготавливающие к свадебному торжеству, «играние» свадьбы (таинство венчания, празднество) и «гостевание» молодых (включение молодых в социальную жизнь общины посредством посещения родственников); похоронный обряд – допогребальные, погребальные и поминальные действия.

Расширение системы родственных и социальных связей в этом отношении знаково противостояло их прекращению, или сознательному уклонению от них.

Интересно отметить в этой связи, что закрепление человека в определенном смысловом ряде обрядов проходило через емкое обрядовое действие, через систему усвоения культурных архетипов.

Так, согласно законам традиционного мышления, не рождались родственниками. Каждый новорожденный непременно проходил обряды принятия в семью. Но зато однажды пройдя их, он становился членом накрепко спаянного коллектива, из которого его могли вырвать только какие-то чрезвычайные обстоятельства. Смерти, кстати, это было не под силу: умершие предки, как считалось, незримо продолжали жить рядом с живыми, помогая им и храня от беды. Ту же функцию в более поздние периоды традиционной культуры будет исполнять таинство крещения, навсегда принимающее рожденного в христианское братство.

Отсюда же в русской культуре идет понятие «изгоя», которым обозначают русские ушедшего от родни человека. Семантика слова происходит не от слова «изгонять», как это на первый взгляд кажется, а от древнерусского «гоить» – «жить, пользоваться уходом» [10, с. 249]. В этом отношении «изгой» по смысловому содержанию почти антагонистически будет противостоять позднее закрепившемуся в культуре «уроду» – человеку, вырванному из жизни рода, сознательно изгнанному и не похожему по своей внутренней организации на представителей семьи [14, с. 352].

Значимыми в способе реализации архетипичных установок традиционной культуры в культуре обрядовой станут и сопровождающие обрядовые действия содержательные константы: цвет, еда, действие.

Показательной в этом отношении может быть символика цвета. Традиционными обрядовыми цветами станут белый и красный. *Белый* цвет – цвет Прошлого, цвет Памяти и Забвения... А другим «траурно-свадебным» цветом был... *красный*, «чермный», как он еще назывался. Мифологическое мышление с давних пор связывало «тревожный» *красный* цвет с кровью, борьбой, физическим насилием, зачатием, рождением и смертью. А если привлечь данные этнографии – оказывается, у самых разных племен красный входил в «основную» цветовую триаду (белый, красный, черный). Означала – Прошлое, Настоящее и Будущее [10, с. 554].

Символика концепта «возрождение» и архетипа «новой жизни» реализовывалась в празднично-обрядовой культуре и опосредованно, через сакральную пищу. Таковыми, например, могли служить ритуальная еда – каша-кутья, или первая весенняя ритуальная пища – блины.

Сладкая (сваренная на меду) *каша*, заправленная ягодами, являлась древнейшей языческой ритуальной едой: она несла мощную идею плодородия, победы над Смертью, вечного возвращения к Жизни. Уместно напомнить здесь о Яриле и о «воскрешающем» зерне, которое только радуется собственным «похоронам». В священной каше с зерном соединяется еще и мед – один из символов «живой воды» у самых разных народов, и ягоды, также связаны с идеей «неисчислимого» плодородия [9].

В *блинах*, как и в каше-кутье, заключены те же священные сути, а кроме всего прочего, румяный, круглый блин отчасти схож с Солнцем, «умирающим и воскресающим» каждую зиму [4]. Вот почему и доньше блины пекут на поминках и еще на Масленицу, когда празднуется победа над злой богиней Мораной – холодом, смертью и тьмой, празднуется воскрешение Солнца, Жизни, Весны...

Символом возрождения была и квашня. *Квашня* – символ жизни, борьбы жизни против смерти (квашня в свадебном обряде, на похоронах).

Отдельная категория в этом отношении должна быть отдана хлебу. С *хлебом*, по мне-

нию наших предков, была связана идея вечного возрождения, зарождения чего-то нового, живого, доброго, светлого.

В качестве центральных действий семейно-бытовой культуры всегда выступали смех и очищение. При этом смех всегда рассматривался в качестве новой жизни (как и в целом в смеховой культуре русского народа). Ту же идею жизнеутверждения, возрождения, воскрешения несла и ритуальная еда для поминок – кутья да блины.

Бытовая традиция рождения заново будет заложена даже в безобидном паре. Важность категории очищения баннным паром подтверждается и его присутствием в самом сакрально емком для традиционной культуры заговорном слове. Так в заговоре-присушке, долженствующем магически словом составить счастье человека, читаем: «И так бы обо мне, рабе Божиим Н., сердцем кипела, кровью горела и не могла бы без меня, раба Божия Н., ни жить, ни быть, ни днествовать, ни часа часовать, ни питием отпиться, ни думанием отдуматься и ни в парной бане отпариться. Тем мом словам ключ и замок, аки ключ на церкви. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь, аминь, аминь» [5, с. 165]. Банный пар ставится на одну плоскость со всеми жизненно важными действиями человека, необходимыми для его существования как субъекта и одухотворенной материи.

Баня же, рассматриваемая как одно не самых чистых мест, даст понимание «народждения»; париться в бане – «как на мир народиться», то есть родиться заново, при этом сохранив все свои социокультурные ориентиры – значит, возродиться. Рождение человека будет происходить в бане, как и первое омовение целебными водами; в свадебном обряде невеста обязана пройти ритуальные черную и белую бани; в посмертном деянии русские также парятся и совершают омовение тела покойника как ритуальные действия очищения. Поэтому традиционные русские *похороны* содержат огромное количество ритуалов, призванных отдать умершему последнюю дань уважения и вместе с тем победить, изгнать подальше ненавистную Смерть. А ушедшему пообещать воскрешение, новую жизнь [2, с. 110].

Даже при строительстве в древнем мире славян уже закрепится очищение себя банным потением, чтобы души деревьев потеряли след и не разыскивали обидчика (те же ритуальные действия совершались после охоты, убийства врага). И символика очищения была константной – рождение заново.

Таким образом, посредством обряда происходило символическое и художественное освоение мира. Обрядовая культура как часть символического поля культуры традиционной была тесным образом связана с основным видом трудовой деятельности – земледелием.

Возникая на основе производственной деятельности, обряды также стали средством выражения архетипного основания традиционной культуры, формой трансляции коллективных эмоций и духовного здоровья, механизмом передачи многовекового опыта земледельческой культуры, ее ценностей и идеалов. Не случайно система обрядовых действий выполняла множество функций: организационную (трудовую), прогностическую, утилитарно-эстетическую (художественную), коммуникативную, социальную и т. д.

При всей своей консервативности (русские народные обряды одни из наиболее архаичных) обряды, в определенной мере, отражали изменения, происходившие в культуре русского народа на протяжении его истории, возможные лишь под действием глубоких и длительных этнокультурных процессов, межкультурной коммуникации (будь-то смена хозяйственного уклада, территории проживания, утверждение религии и т. д.).

Семейно-бытовой обряд заключил в себе богатейший опыт людей по освоению природы и окружающей среды, систематизированный и сакрализованный (архетипный) в призме национального сознания в идее реализации концепта «возрождение» посредством архетипа «новой жизни». Обряд в его художественном оформлении дал запечатление модели мира традиционного человека и природы, так полноценно выразившихся в художественном творчестве русского народа.

16.05.2012

Список литературы:

1. Байбурун, А.К. Календарь и трудовая деятельность человека. (Русский народный традиционный календарь) / А.К. Байбурун. – Л.: Знание, 1989. – 32 с.
2. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М.: Мол.гвардия, 1991. – 147 с.

3. Камаев, А.Ф. Народное музыкальное творчество: учеб. пособие для вузов / А.Ф. Камаев, Т.Ю. Камаева. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2008. – 303 с.
4. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник / Ф.С. Капица. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 216 с.
5. Карпухин, И.Е. Русское устное народное творчество: Учебно-методическое пособие / И.Е. Карпухин. – М.: Высш. шк., 2005. – 280 с.
6. Библиотека русского фольклора. Т. 3. Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М.: Русская книга, 1997. – 624 с.
7. Макашина, Т.С. Свадебный обряд // Русские / Т.С. Макашина. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 466–500.
8. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1991. – Вып. 1: Младенчество. Детство. – 589 с.
9. Панкеев, И.А. От крестин и до поминок / И.А. Панкеев. – М.: Эксмо, 2002. – 544 с.
10. Семенова, М.В. Мы – славяне / М.В. Семенова. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 384 с.
11. Сорокин, П.А. Человек, цивилизация, общество / П.А. Сорокин. – М., 1992. – 543 с.
12. Стрельцова, Е.Ю. Художественные традиции семейно-бытовых праздников и обрядов / Е.Ю. Стрельцова // Народная художественная культура: Учебник / Под ред. Т.И. Баклановой, Е.Ю. Стрельцовой. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 112–159.
13. Чистов, К.В. Семейные обряды и фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1987. – 405 с.
14. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Гос.уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1961. – 403 с.
15. Энциклопедия русских обычаев / сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече, 2000. – 512 с.

Сведения об авторе:

Шемякина Мария Константиновна, доцент кафедры теории и истории культуры Белгородского государственного института культуры и искусств, кандидат филологических наук, доцент
e-mail: mary-ru2004@mail.ru

UDC 008

Shemyakina M.K.

Belgorod state institute of culture and arts, e-mail: mary-ru2004@mail.ru

THE FAMILY AND DOMESTIC RITE AS A SEMIOTIC FORM OF EMBODIMENT OF THE ARCHETYPE OF THE «NEW LIFE» IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE

Symbols of traditional culture of Russian people has great theoretical and methodological potential: key symbols-values of people are expressed in traditional forms. The rites of the family cycle were considered as a form of mastering the cultural stereotypes, one of the mechanisms of expression of the ancient archetype of «new life» in the spectrum of the realization in Russian traditional culture of the concept «revival».

Key words: Russian traditional culture, family and domestic ceremony, the concept «revival».

Bibliography:

1. Baiburin, A.K. Calendar and Labour Activity of a person (Russian Folk Traditional Calendar) / A.K. Baiburin. – L.: Znanie, 1989. – 32 p.
2. Gromyko, M.M. The World of the Russian Village / M.M. Gromyko. – М.: Molodaya Gvardia, 1991. – 147 p.
3. Kamaev, A.F. National Music: textbook for universities / A.F. Kamaev, T.Yu. Kamaeva. – 2 izd., corr. – М.: Academia, 2008. – 303 p.
4. Kapitsa, F.S. Slavic Nraditional Beliefs, Holidays and Rituals: a Handbook / F.S. Kapitsa. – М.: Science: Flint, 2008. – 216 p.
5. Karpukhin, I.E. Russian Oral Folk Art: Educational-methodical manual / I.E. Karpukhin. – М.: Vysshaya Shkola, 2005. – 280 p.
6. Library of Russian Folklore. Т. 3. Ceremonial Poetry: Кн. 2. The Family and Domestic Folklore Status / Texts and comments Yu.G. Kruglov. – М.: Russkaya kniga, 1997. – 624 p.
7. Makashina, T.S. Wedding Ceremony / T.S. Makashina // The Russians. – М.: Large Russian Encyclopedia, 1999. – P. 466–500.
8. The Wisdom of the People. The Life of a Person in Russian Folklore / Sost., texts, and comments. V.P. Anikina. – М.: Art. lit., 1991. – Vol. 1: Infancy. Childhood. – 589 p.
9. Pankeev, I.A. From the Christening and to the Banquet. – М.: Eksmo, 2002. – 544 p.
10. Semenova, M.V. We are slavs / M.V. Semenova. – Spb.: Azbuka-klassika, 2009. – 384 p.
11. Sorokin, P.A. A Person, Civilization, Society / P.A. Sorokin. – М., 1992. – 543 p.
12. Streltsova, E.Yu. Artistic Traditions of Family Holidays and Rites / E.Yu. Streltsova // Folk art culture: the Textbook / ed. by T.I. Baklanova, E.Yu. Streltsova. – М.: MGUKI, 2000. – P. 112–159.
13. Chistov, K.V. Family Rituals and Folklore // Ethnography of the Eastern Slavs. Essays of Traditional Culture. – М.: Nauka, 1987. – 405 p.
14. Shansky N.M, Ivanov V.V., Shansky T.V. A short Etymological Dictionary of the Russian Language / ed. by. S.G.Barhударова / N.M. Shansky, V.V. Ivanov, T.M. Shansky. – М., 1961. – 403 p.
15. Encyclopedia of the Russian Customs / Sost. N.A. Yudina. – М.: Vechе, 2000. – 512 p.